

Условно-досрочное освобождение от наказания и домашний арест: проблемы взаимозачета

Р.О. Долотов

доцент кафедры уголовного права и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук. Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., 20. E-mail: rdolotov@hse.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу практики условно-досрочного освобождения от отбытия наказания при применении к лицу до его осуждения мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста. Главная цель статьи заключается в аргументированном ответе на вопрос: правильно ли засчитывать время содержания под домашним арестом в шестимесячный срок лишения свободы, необходимый для возникновения права на условно-досрочное освобождение? Для достижения заявленной цели в статье анализируется сложившаяся правоприменительная практика и мнения ученых по этой проблеме, а затем на основе полученных результатов приводятся аргументы в защиту авторской позиции. Основные выводы исследования: 1) зачет времени содержания под стражей при расчете фактически отбытого срока лишения свободы для решения вопроса об условно-досрочном освобождении — устоявшаяся практика, основывающаяся на позициях высших судебных органов страны и поддерживаемая частью ученых в области уголовного права; 2) при решении вопроса о зачете времени домашнего ареста на практике исходят из следующего умозаключения: так как время нахождения лица под домашним арестом подлежит зачету в срок содержания под стражей, а срок содержания под стражей засчитывается в срок лишения свободы, то при расчете фактически отбытого осужденным срока лишения свободы для условно-досрочного освобождения время домашнего ареста необходимо включать в этот срок; 3) данное умозаключение является ошибочным, так как оно основывается на догматическом, а не системном толковании УК и УПК РФ без уяснения роли, которую играет установленный законодателем шестимесячный срок при условно-досрочном освобождении в системе мер уголовно-правового воздействия; 4) по своей природе лишение свободы и содержание лица под стражей, с точки зрения уголовно-правового воздействия, практически идентичны, а вот домашний арест существенно от них отличается; 5) для решения указанной проблемы предлагается внести соответствующие поправки в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Ключевые слова

условно-досрочное освобождение, домашний арест, содержание под стражей, лишение свободы, меры изоляции, уголовно-правовое воздействие.

Библиографическое описание: Долотов Р.Д. Условно-досрочное освобождение от наказания и домашний арест: проблемы взаимозачета // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 45–54.

JEL: K14 УДК: 343

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.2.45.54

Условно-досрочное освобождение является самым распространенным видом освобождения от отбывания наказания¹. Несмотря на наличие специального постановления

¹ См.: Данные судебной статистики // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 13.02.2016)

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», условно-досрочное освобождение от отбытия наказания все равно вызывает немало проблем и в теории, и на практике. Тематика спорных ситуаций, анализируемых в научной литературе в указанной сфере, крайне обширна². В настоящей статье мы рассмотрим одну из таких ситуаций, до сих пор не получившей, на наш взгляд, должной проработки в отечественной уголовно-правовой доктрине. Данную проблему можно кратко представить в виде следующего вопроса: «*Правильно ли засчитывать время содержания под домашним арестом в шестимесячный срок лишения свободы, необходимый, в силу ч. 4 ст. 79 УК РФ, для возникновения права на условно-досрочное освобождение?*»

Так, согласно п. 2 ч. 10 ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) в срок содержания под стражей засчитывается время домашнего ареста. В п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ сказано, что в резолютивной части обвинительного приговора среди прочего должно быть указано *решение о зачете времени* предварительного содержания под стражей, если к подсудимому применялись меры пресечения:

- 1) в виде заключения под стражу,
- 2) *домашнего ареста*,
- 3) или он помещался в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) содержится правило, согласно которому время содержания лица под стражей до судебного разбирательства засчитывается в сроки лишения свободы из расчета один день за один день (ч. 3 ст. 72). Часть 4 ст. 79 УК РФ указывает, что *фактически отбытый* осужденным срок лишения свободы для возникновения формального основания для условно-досрочного освобождения не может быть менее шести месяцев.

Указанные положения закона могут привести к следующему умозаключению: так как время нахождения лица под домашним арестом подлежит зачету в срок содержания под стражей, а срок содержания под стражей засчитывается в срок лишения свободы, то при расчете фактически отбытого осужденным срока лишения свободы для условно-досрочного освобождения от наказания необходимо засчитывать время домашнего ареста в фактически отбытый срок лишения свободы. Если, например, в отношении лица до его осуждения за преступление средней тяжести применялась мера пресечения в виде домашнего ареста сроком на шесть месяцев (при продлении меры пресечения), и суд назначил наказание в виде лишения свободы сроком на один год шесть месяцев, то в день вступления приговора в законную силу у лица уже автоматически возникает формальное право на условно-досрочное освобождение, так как оно уже отбыло 1/3 наказания и минимальный шестимесячный срок. Другими словами, осужденный может пробыть в местах лишения свободы всего пару дней перед условно-досрочным освобождением от наказания.

² См.: Долгополов Д.В. Допустимость применения дополнительных оснований для условно-досрочного освобождения осужденных // Уголовный процесс. 2012. № 1 (85). С. 23–29; Бабаян С.Л. Формальное основание применения поощрительного института условно-досрочного освобождения // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 85–89; Дроздов А.И. Совершенствование деятельности института условно-досрочного освобождения // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 2 (7). С. 21–24; Рыбаков А.А. Неотбытая часть наказания при условно-досрочном освобождении: теоретические и практические вопросы // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 162–167.

Данное умозаключение представляется ошибочным, так как оно основывается на догматическом, а не системном толковании УК и УПК РФ без уяснения роли, которую играет установленный законодателем шестимесячный срок при условно-досрочном освобождении в системе мер уголовно-правового воздействия. Для обоснования своей позиции мы проанализируем правоприменительную практику и мнения ученых по этой проблеме, а затем на основе полученных результатов приведем соответствующие аргументы.

Вопрос об учете меры пресечения при условно-досрочном освобождении поднимался еще в дореволюционном уголовном законодательстве. Так, в ст. 1 «Закона об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан» (1909 г.) содержалось правило о том, что условное досрочное освобождение могло применяться к лицу, приговоренному к заключению в тюрьме, исправительном арестантском отделении или исправительном доме (на срок не менее восьми месяцев), по отбытии им 3/4 назначенного судом срока наказания, но не менее шести месяцев, **без зачета в этот срок времени содержания под стражей**³.

В первые годы действия УК РФ 1996 г. тезис о том, что время, проведенное осужденным в рамках меры пресечения, не должно учитываться при расчете фактически отбытого срока наказания при условно-досрочном освобождении, также получил довольно широкое распространение среди ученых и практиков. Так, помощник Кировского прокурора по надзору за соблюдением законности в исправительных учреждениях А. Кропачев в журнале прокурорских работников «Законность» писал: *«До вступления приговора в законную силу нельзя вести речь об отбытии назначенного судом срока наказания, так как лицо по закону осужденным в полном смысле слова не является. Даже если вынесен обвинительный приговор первой инстанцией, не исключено, что в кассационной инстанции лицо может быть признано невиновным, а приговор несостоявшимся. Вот почему начало отбытия срока наказания с целью обоснованности и единообразия следует исчислять со дня вступления приговора в законную силу. Используя приведенные выше нормы и изложенные обстоятельства, можно сделать вывод, что фактическое отбытие осужденным назначенного судом срока наказания — это период срока наказания после вступления приговора в законную силу, отбытый осужденным в порядке, установленном Уголовно-исполнительным кодексом РФ»*⁴.

В связи с этим ряд авторов выступает за закрепление в законодательстве такого положения, что осужденный может подлежать условно-досрочному освобождению только в случае отбытия им шестимесячного срока именно в исправительном учреждении, т.е. срок должен исчисляться с момента прибытия осужденного в исправительное учреждение, ибо для того, чтобы изучить осужденного и сделать вывод о его исправлении, необходимо определенное время⁵.

В.В. Степанов в диссертации, посвященной проблемам условно-досрочного освобождения, доказывает, что минимальный фактический срок, дающий право на условно-досрочное освобождение, должен исчисляться с момента прибытия осужденного

³ Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан: (Собр. Узак. 1909 г. № 126, ст. 1216) / под ред. Д.А. Коптева, статс-секретаря Государственного совета. С.-Пб., 1909. С. 30.

⁴ Кропачев А. Когда возникает право осужденного на условно-досрочное освобождение // Законность. 2003. № 9. С. 23.

⁵ См.: Василенко-Захарова О.В. Формальные основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 136.

в исправительное учреждение и указывает, что среди опрошенных им практических работников 62,1% (из 230 сотрудников воспитательной и оперативно-режимной служб уголовно-исполнительной системы Тамбовской области) отметили, что в срок, указанный в ч. 4 ст. 79 УК РФ, должно входить только время реального отбывания наказания в исправительной колонии⁶. Среди различных аргументов В.В. Степанов в обоснование данного тезиса указывает, что, по мнению специалистов-психологов, как раз в период первых шести месяцев пребывания в исправительном учреждении завершается вторая фаза адаптации, в результате которой в личностной динамике осужденного определяются положительные либо отрицательные тенденции⁷.

Однако правоприменительная практика показывает, что у большинства осужденных, прибывающих в исправительные колонии, срок лишения свободы исчисляется с момента избрания мерой пресечения содержания под стражей, вследствие чего у них (особенно в колонии-поселении и колонии общего режима) фактический минимум, дающий право на условно-досрочное освобождение, наступает через два-три месяца по прибытию в исправительную колонию⁸.

Подобная ситуация на практике связана с позициями Конституционного Суда России и Верховного Суда России. Так, Конституционный Суд разъяснил в п. 3 постановления от 27.02.2003 № 1-П: «По смыслу положений статьи 130 УИК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 72 УК Российской Федерации, *время содержания под стражей в качестве меры пресечения* во всяком случае *подлежит зачету* при определении общего срока назначенного судом наказания, а также *при исчислении срока отбытого наказания, позволяющего применить условно-досрочное освобождение от наказания*. Такой подход корреспондирует международным стандартам, согласно которым предварительное заключение не должно применяться, если предполагаемому правонарушителю не соответствует наказание в виде лишения свободы, а при вынесении приговора срок, проведенный в предварительном заключении, следует или засчитывать в установленный приговором срок наказания, или принимать во внимание с целью сокращения срока наказания»⁹.

Верховный Суд указал в п.1 постановления Пленума Верховного Суда от 21.04.2009 № 8, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено только к тем осужденным, которые, по признанию суда, для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания и отбыли предусмотренную законом его *часть с учетом времени содержания под стражей* до вынесения приговора и вступления его в законную силу¹⁰.

⁶ Степанов В.В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: на примере Тамбовской области: дис.... канд. юрид. наук: М., 2009. С. 131.

⁷ См.: Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: теоретические аспекты, практическое применение. М., 1996. С. 314–315.

⁸ Степанов В.В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: на примере Тамбовской области: дис.... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 132.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2003 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.В. Гольшева и К.П. Данилова» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2003.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7.

В теории также высказываются доводы в пользу такого подхода. Так, О.В. Василенко-Захарова пишет, что несправедливо не засчитывать срок, проведенный в качестве заключенного под стражу во время следствия, а также во время конвоирования как минимальный срок для предоставления условно-досрочного освобождения. Это также, по ее мнению, будет способствовать профилактике нарушений в следственном изоляторе. Работники следственных изоляторов хотя и не являются профессионалами в изучении личности осужденных, тем не менее могут дать характеристику поведения осужденного за период нахождения под стражей, а также констатировать наличие правонарушений либо их отсутствие¹¹.

Таким образом, зачет времени содержания под стражей при расчете фактически отбытого срока лишения свободы для решения вопроса об условно-досрочном освобождении — это устоявшаяся практика, основывающаяся на позициях высших судебных органов страны и поддерживаемая частью ученых в области уголовного права.

Однако содержание под стражей — не единственная мера пресечения в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Не так уж и редки случаи избрания судом домашнего ареста в качестве меры пресечения. И возникает резонный вопрос, о котором мы писали выше: нужно ли засчитывать время домашнего ареста в фактически отбытый срок наказания для целей ст. 79 УК РФ?

Если придерживаться формальной логики, то путем построения дедуктивного умозаключения мы должны дать положительный ответ по схеме:

- срок содержания под стражей засчитывается в фактически отбытый срок лишения свободы;
- время домашнего ареста засчитывается в срок содержания под стражей.

Таким образом, время домашнего ареста засчитывается в фактически отбытый срок лишения свободы.

Данный вывод основывается на буквально-формальном толковании норм УК и УПК РФ. Несмотря на то, что в ст. 72 УК ничего не говорится о замене части наказания домашним арестом, а предусмотрен расчет срока наказания с учетом только содержания под стражей, правоприменительная практика все же придерживается именно той логики, которую мы продемонстрировали в вышеуказанном умозаключении.

Необходимо отметить, что в формах сводной статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции, публикуемых на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹², не содержится граф, позволяющих отследить случаи зачета срока домашнего ареста при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Проведенный нами анализ утвержденных Президиумом Верховного Суда обзоров практики рассмотрения областными и равными им судами уголовных дел, опубликованных на сайте Суда с 2000 по 2015 гг.¹³, также не позволил выявить каких-либо обобщений по вопросу условно-досрочного освобождения, где речь шла бы о зачете времени домашнего ареста. В связи с этим трудно сказать, насколько распространена подобная практика, однако отсутствие статистических данных не означает отсутствия самих случаев. Проиллюстрируем это примером из уголовного дела:

¹¹ Василенко-Захарова О.В. Формальные основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 136.

¹² Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 13.02.2016)

¹³ Документы Верховного Суда Российской Федерации // <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 13.02.2016)

«01.04.2011 года приговором Ленинского районного суда ЕАО Михайлов А.И. был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 107, ч. 1 ст. 107, ч. 2 ст. 69 УК РФ к 2 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. Согласно приговору срок наказания исчислен со дня фактического прибытия в колонию-поселение. Также по приговору зачтено время нахождения под стражей с 13 по 14 августа 2010 года, под домашним арестом — с 14 августа 2010 года и до дня прибытия в колонию-поселение. Осужденный прибыл в колонию 20.04.2011 года. Окончание срока установлено колонией-поселением 13.08.2012 года. Отбывая наказание, 26.08.2011 года осужденный обратился в Биробиджанский районный суд ЕАО с ходатайством об условно-досрочном освобождении, мотивировав отбытием 1/2 части срока наказания. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд указал, что время нахождения осужденного на домашнем аресте в качестве меры пресечения не входит в шестимесячный срок.

В кассационной жалобе осужденный Михайлов А.И., не соглашаясь с постановлением судьи, просит его пересмотреть. Полагает, что в срок необходимый для подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении должно засчитываться время, проведенное им под домашним арестом.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия находит их обоснованными, судебное решение подлежащим отмене в связи с неправильным применением норм уголовного закона. Единственной причиной отказа в удовлетворении ходатайства суд указал, что осужденный Михайлов А.И. не отбыл установленного ч. 4 ст. 79 УК РФ шестимесячного срока. Вместе с тем, при рассмотрении ходатайства осужденного судом не были учтены следующие положения уголовного закона. Так, согласно ч. 3 ст. 72 УК РФ время содержания под стражей до судебного разбирательства засчитывается в сроки лишения свободы. Из Постановления Пленума Верховного суда РФ № 8 от 21 апреля 2009 года «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» также следует, что время содержания лица под стражей до вынесения приговора и вступления его в законную силу засчитывается в срок фактического отбытия им лишения свободы. В силу ч. 10 ст. 109 УПК РФ время домашнего ареста засчитывается в срок содержания под стражей»¹⁴.

Безусловно, наиболее резонансным делом последних лет, связанным с зачетом времени домашнего ареста в срок фактического отбытого судом наказания, является решение Судогодского районного суда Владимирской области от 25.08. 2015 г. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания Е.Н. Васильевой — бывшего начальника департамента имущественных отношений Министерства обороны РФ¹⁵. Данное решение, формально законное, вызвало массовое недовольство в обществе, так как было воспринято как несправедливое¹⁶.

Зачет времени домашнего ареста (в отличие от срока содержания под стражей) в фактически отбытый срок лишения свободы является ошибкой. Однако сразу же возникает вопрос: почему время содержания под стражей следует засчитывать в этот

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам суда Еврейской автономной области от 08.11.2011 по делу № 22-791/11.

¹⁵ Судебное делопроизводство Судогодского районного суда Владимирской области // https://sudogodsky--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=52630180&delo_id=1610001 (дата обращения: 13.02.2016)

¹⁶ Законность УДО Васильевой проверяет в Генпрокуратуре // <http://rusplt.ru/society/zakonnost-udo-vasilevoy-proveryat-v-genprokulture-18516.html> (дата обращения: 13.02.2016)

срок, а время домашнего ареста — нет. Ответ, на наш взгляд, кроется в сущности уголовно-правового воздействия, которое оказывают меры принудительной изоляции от общества.

По своей природе все эти меры в науке обоснованно предлагают делить на две большие группы: меры в рамках комплексных (интегрированных) административно-правовых и уголовно-правовых институтов — «пенитенциарного права» или «права лишения свободы». В связи с этим из всей совокупности мер принудительной изоляции от общества выделяются так называемые «пенитенциарные меры». Критериями их выделения ученые называют не столько самую принудительную изоляцию, сколько схожие с лишением свободы порядок исполнения и условия отбывания; их уголовно-правовую или уголовно-процессуальную природу; направленность, выражающуюся в прямо предусмотренной законом юридической связи с лишением свободы; уголовно-процессуальный порядок применения (изменения и отмены); а также исполнение органами или учреждениями ФСИН России.

С учетом названных критериев О.В. Воронин из состава пенитенциарных мер справедливо исключает все виды административно-правовой и смешанной административно-правовой и уголовно-правовой изоляции от общества, а также **домашний арест** как меру пресечения¹⁷. Совокупность «чистых» пенитенциарных мер, по мнению данного автора, включает в себя предварительное заключение и содержание под стражей, уголовные наказания, предполагающие изоляцию от общества, а также задержание осужденных, находящихся на свободе, подразделениями ФСИН России для обеспечения производств, возникающих в стадии исполнения приговора. Условия и порядок исполнения (отбывания) принудительной изоляции являются основным критерием отнесения той или иной меры к числу пенитенциарных (при домашнем аресте отсутствуют такие важные признаки, как водворение в специальные условия и отбывание этой меры совместно с иными лицами). К тому же следует учесть, что домашний арест всегда служил и продолжает служить привилегированной альтернативой такой изоляционной меры, как предварительное заключение и содержание под стражей¹⁸.

Разделяя позицию О.В. Воронина, мы приходим к логичному выводу, что по своей природе лишение свободы и содержание лица под стражей с точки зрения уголовно-правового воздействия практически идентичны, а домашний арест существенно от них отличается. Поэтому время домашнего ареста нельзя засчитывать в фактически отбывтый срок лишения свободы при условно-досрочном освобождении.

Кроме того, в ст. 107 УПК РФ ясно сказано, что суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого и фактических обстоятельств при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может ему запретить и (или) ограничить:

- 1) выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает;
- 2) общение с определенными лицами;
- 3) отправдение и получение почтово-телеграфных отправлений;
- 4) использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам и (или) ограничениям, перечисленным выше, либо *некоторым из них*.

¹⁷ Воронин О.В. О некоторых видах принудительной изоляции от общества, известных российскому законодательству // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 68–69.

¹⁸ Там же. С. 69.

Это означает, что суд может при избрании домашнего ареста в соответствии с ч. 7 ст. 107 УПК РФ запретить или ограничить арестанту «общение с определенными лицами» (п. 2 ч. 7 ст. 107) или запретить или ограничить «использование средств связи и сети Интернет» (п. 4 ч. 7 ст. 107), *не запретив выход за пределы жилого помещения*, в котором проживает лицо, находящееся под следствием.

Зачет времени домашнего ареста в фактически отбытый срок лишения свободы при условно-досрочном освобождении как минимум без учета примененных при этом ограничений не согласуется с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку ставит в неравное положение лиц, содержащихся под стражей, и лиц, находившихся под домашним арестом с правом покидать жилище.

Возвращаясь к вопросу об уголовно-правовом воздействии, которое оказывает условно-досрочное освобождение от отбытия наказания, следует сказать, что и понятие уголовно-правового воздействия вызывает немало споров среди теоретиков¹⁹. Одну из наиболее обоснованных дефиниций предложил В.К. Дуононов в докторской диссертации, непосредственно посвященной уголовно-правовому воздействию. В ней он определяет уголовно-правовое воздействие «как целенаправленное карательно-воспитательно-превентивное воздействие на лиц, совершивших преступление, и превентивное воздействие на так называемых неустойчивых граждан в целях утверждения социальной справедливости, укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений, а также воспитания их в духе неуклонного соблюдения Конституции РФ и других законов»²⁰.

Таким образом, утверждение социальной справедливости выступает одной из главных целей уголовно-правового воздействия. Условно-досрочное освобождение как одна из специальных мер уголовно-правового воздействия также должно способствовать достижению этой цели. Зачет времени домашнего ареста в срок фактически отбытого срока лишения свободы при условно-досрочном освобождении не согласуется с указанной целью из-за колоссальной разницы в сущности этих мер изоляции от общества.

Для решения указанной проблемы нами предлагается внести дополнение в постановление Пленума Верховного Суда России от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», указав в нем, что время домашнего ареста не должно учитываться при расчете фактически отбытого срока при условно-досрочном освобождении.

Библиография

Бабаян С.Л. Формальное основание применения поощрительного института условно-досрочного освобождения // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 85–89.

Василенко-Захарова О.В. Формальные основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 135–137.

Воронин О.В. О некоторых видах принудительной изоляции от общества, известных российскому законодательству // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 68–71.

¹⁹ См.: Трунцевский Ю.В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 29–32; Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность и уголовно-правовое воздействие // Библиотека криминалиста. 2013. № 6 (11). С. 96–116; Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика // Lex Russica. 2008. Т. LXVII. № 6. С. 1330–1346; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовое воздействие и его пределы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2 (295). С. 174–179.

²⁰ Дуононов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: Теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. С. 36.

Долгополов Д.В. Допустимость применения дополнительных оснований для условно-досрочного освобождения осужденных // Уголовный процесс. 2012. № 1 (85). С. 23–29.

Дроздов А.И. Совершенствование деятельности института условно-досрочного освобождения // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 2 (7). С. 21–24.

Дююнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: Теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.

Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность и уголовно-правовое воздействие // Библиотека криминалиста. 2013. № 6 (11). С. 96–116.

Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан: (Собрание Узаконений 1909 г. № 126, ст. 1216) / под ред. Д.А. Коптева, статс-секретаря Государственного совета. С.-Пб.: Изд. Г.Г. Ходунова, 1909. 384 с.

Кропачев А. Когда возникает право осужденного на условно-досрочное освобождение // Законность. 2003. № 9. С. 22–24.

Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовое воздействие и его пределы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 2 (295). С. 174–179.

Рыбаков А.А. Неотбытая часть наказания при условно-досрочном освобождении: теоретические и практические вопросы // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 162–167.

Степанов В.В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания на примере Тамбовской области: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 249 с.

Трунцевский Ю.В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 29–32.

Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: теоретические аспекты, практическое применение. М.: Юрист, 1996. 352 с.

Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика // Lex-Russica. 2008. Т. LXVII. № 6. С. 1330–1346.

Parole and House Arrest: Issues of Interchangeability

Ruslan Dolotov

Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminalistics, National Research University Higher School of Economics, Candidate of Juridical Sciences. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia. E-mail: rdolotov@hse.ru

Abstract

The article examines the practice of early release on parole for persons before being sentenced. The pre-trial restrictions concern detention and house arrest. The main purpose of the article is a reasonable response to the question about whether the right to set off time of detention under house arrest in six months' imprisonment necessary for the emergence of the right to parole? To achieve the purpose, the article analyzes the current enforcement practice and opinions of scientists on this issue and then based on the results presents arguments to defend author's position. The key findings of the research are: 1) offsetting time spent in detention to calculate a factual time in imprisonment to address the issue of parole is a common practice based on the positions of the highest judicial bodies of the country and supported by part of scholars in the field of criminal law; 2) when deciding in practice on recalculating time under house arrest, the decision is based on the following reasoning: since the time of the person under house arrest shall be credited to the period of detention, and the detention period is included in the term of imprisonment, when calculating the actual period of detention, imprisonment for parole period of house arrest should be included in that period; 3) this reasoning is flawed because it is based on a dogmatic rather than systemic interpretation of the Criminal Code and Code of Criminal Procedure without understanding the role of the set six-month term in the parole system of criminal law measures; 4) by its nature, the deprivation of liberty and detention of a person from the point of criminal law are almost identical, but the house arrest is substantially different from them; 5) the paper proposes to

amend the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.04.2009 № 8 "On Judicial Practice Parole from Serving a Sentence, Replacing the Unserved Part of Punishment with a Milder one".

Keywords

parole, house arrest, detention, deprivation of liberty, isolation measures, criminal law.

Citation: Dolotov R.O. (2016) Parole and House Arrest: Issues in Interchangeability. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 45–54 (in Russian).

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.2.45.54

References

Babayan S.L. (2012) Formal'noe osnovanie primeneniya pooshchritel'nogo instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya [Formal Reasons of Applying Incentive Measure of Release on Parole]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, no 2, pp. 85–89.

Chuchaev A.I., Firsova A.P. (2008) Ugolovno-pravovoye vozdeystvie: suschnost i kharakteristika [Criminal Law Influence: Essence and Characteristics]. *Lex Russica*, vol. LXVII, pp. 1330–1346.

Chufarovskiy Yu.V. (1996) *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal Psychology] Moscow: Jurist, 352 p. (in Russian)

Dolgopolov D.V. (2012) Dopustimost' primeneniya dopolnitel'nykh osnovaniy dlya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya osuzhdennykh [Applying Additional Grounds for Release on Parole for the Convicted] *Ugolovnyi protsess*, no 1 (85), pp. 23–29.

Drozdo A.I. (2012) Sovershenstvovaniye razvitiya instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya [Development of the Institute of Release on Parole]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, no 2, pp. 21–24.

Duyunov V.K. (2001) *Mekhanizm ugolovno-pravovogo vozdeystviya: Teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii* (Diss. Doktor Jurid. Nauk). [Mechanism of Criminal Law Influence: Theory and Implementation Companies (Doctor of Juridical Sciences Dissertation)]. Tolyatti, 512 p.

Ermolovich Ya.N. (2013) Ugolovnaya otvetstvennost' i ugolovno-pravovoye vozdeystvie [Criminal Liability and Criminal Law Influence]. *Biblioteka kriminalista*, no 6 (11), pp. 96–116.

Koptev D.A. (ed.) (1909) *Zakon ob uslovnom dosrochnom osvobozhdenii s slozheniem rassuzhdeniy, na koikh on osnovan: (Sobr. Uzak. 1909 g. № 126, st. 1216)* [Law On Release on Parole Attached with Commentaries (Collection of the Legal Acts for 1909, no 126, art. 1216)]. Saint Petersburg: G.G. Khodunov, 384 p.

Kropachev A. (2003) Kogda voznikaet pravo osuzhdeniya na uslovno- dosrochnoe osvobozhdenie [Period for Claiming Release on Parole]. *Zakonnost'*, no 9, pp. 22–24.

Razgil'diev B.T. (2011) Ugolovno-pravovoye vozdeystvie ego predely [Criminal Law Influence and its Limits]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, no 2 (295), pp. 174–179.

Rybakov A.A. (2014) Neotbytaya chast' nakazaniya pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii: teoreticheskie i prakticheskie voprosy [Remanent under Release on Parole]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*, no 2 (31), pp. 162–167.

Stepanov V.V. (2009) *Problemy teorii i praktiki uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya na primere Tambovskoy oblasti* (Diss. kand. jurid. nauk) [Problems of Theory and Practice of Release on Parole: Concepts and Types (Candidate of Juridical Sciences Dissertation)]. Moscow, 249 p.

Truntsevskiy Yu. V. (2015) *Mery ugolovno-pravovogo vozdeystviya: ponyatie i vidy* [Measures of Criminal Law: Concepts and Types]. *Rossiyskaya yustitsiya*, no 5, pp. 29–32.

Vasilenko-Zakharova O.V. (2012) Formalnye osnovaniya primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya [Grounds for Applying Release on Parole]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, no 5, pp. 135–137.

Voronin O.V. (2013) O nekotorykh vidakh prinuditel'noy izolatsii ot obschestva izvestnykh rossiyskomy zakonodatelstvu [Some Types of Involuntary Social Isolation under Russian Legislation]. *Ugolovnaya yustitsiya*, no 2, pp. 66–71.